

Цзи Шаотин предположил, что Ли Чэнь, пока тот не смотрел, на глаз оценил его фигуру, поэтому смог подобрать одежду, которая идеально сидит. Рубашка облегла его тело без единого лишнего сантиметра, воротник и манжеты сидели безупречно.

Он улыбнулся отражению Ли Чэня в зеркале и сказал:

— Спасибо, Ли Сяньшэн. В самый раз.

Ли Чэнь, не проявляя особых эмоций, лишь отодвинул ящик с галстуками и предложил выбрать один. Подойдя ближе, Цзи Шаотин спросил:

— Вы завтра тоже наденете рубашку?

— Да, — ответил Ли Чэнь. — Фасон воротника такой же, как у тебя.

Цзи Шаотин вспомнил небольшую синюю полоску на левой стороне отложного воротника. Простая белая рубашка действительно выглядела слишком скучно, но модель, которую выбрал Ли Чэнь, была продумана.

— Кажется, с галстуком будет слишком официально, — приложил он один к воротнику. — Как думаете, Ли Сяньшэн?

— Сначала примерь.

Цзи Шаотин кивнул, помедлив, словно собираясь с духом:

— Может, Ли Сяньшэн тоже переоденется? Всё-таки это фотография для документов, стоит подобрать гардероб.

Ли Чэнь был высоким, с широкими плечами и пропорциональной мускулатурой — настоящая модель, на которой любая одежда сидела идеально. Цзи Шаотин, проживший последние годы на Западе, избавился от восточной сдержанности, и его комплименты звучали особенно ярко:

— Вы выглядите потрясающе, прямо как небожитель.

Его слова прозвучали настолько искренне, что Ли Чэнь растерялся, не зная, как ответить.

Цзи Шаотин слегка улыбнулся, возвращаясь к теме, и достал из ящика тёмно-синий галстук:

— Фон для фото красный, синий галстук будет хорошо сочетаться. Вы...

Он неуверенно поднял галстук:

— Вы сами завяжете, или мне помочь?

Ли Чэнь застегнул воротник и ответил:

— Я сам.

Стоя рядом перед зеркалом, оба на мгновение замерли. Они были одеты в одинаковые рубашки, с одинаковыми галстуками, словно когда-то были одним человеком, а теперь разделились надвое.

Цзи Шаотин сжал губы, оглядывая себя, и, казалось, остался недоволен:

— Что-то странно, совсем не выглядит легко.

— Сними, — сказал Ли Чэнь, указательным пальцем ослабив узел и потянув его вниз.

Без галстука образ действительно стал менее строгим, но Цзи Шаотину всё равно казалось, что выглядит он слишком серьёзно. Он расстегнул первую пуговицу рубашки, открыв ключицу и небольшой участок белой кожи.

Сердце Ли Чэня учащённо забилося, и он отвел взгляд.

Он также последовал совету и расстегнул пуговицу. Химия между ними, ранее казавшаяся скучной, наконец изменилась, и они больше не походили на двух совершенно чужих людей. Цзи Шаотин, разглядывая их отражение, наконец нашёл корень проблемы:

— Ли Сяньшэн, почему вы совсем не улыбаетесь!

Слова вырвались прежде, чем он успел подумать, и он поспешил исправиться:

— Я хотел сказать, что на свадебных фото лучше улыбаться, чтобы тётя не подумала, будто вы не хотите.

Но было уже поздно. Ли Чэнь уже уловил его первые слова, с удивлением отметив про себя, что Цзи Шаотин может говорить и в таком тоне.

Цзи Шаотин всегда был послушным и почтительным, никогда не спорил, но, оказывается, мог и выразить недовольство.

Цзи Шаотин, видя, что выражение лица Ли Чэня оставалось непроницаемым, почувствовал, как по спине пробежал холодок, и задумался, как теперь выйти из положения. Ли Чэнь был человеком, который редко улыбался, и он, Цзи Шаотин, почему-то позволил себе так бесцеремонно просить его об этом.

Но Ли Чэнь вдруг спросил:

— Как улыбаться?

Цзи Шаотин не сразу понял:

— Ну... просто улыбнитесь...

Разве это нужно объяснять? Он добавил:

— Как вы обычно улыбаетесь на фото.

— Это выглядит неестественно, — отрезал Ли Чэнь. Он никогда не смотрел свои интервью.

Цзи Шаотин подумал, что даже фальшивая улыбка лучше каменного лица, но в следующую секунду передумал. Ли Чэнь был таким, какой есть, и никогда не притворялся, выражая свои чувства открыто.

Но люди всё же любят видеть улыбки. Цзи Шаотин повернулся к Ли Чэню, провёл двумя указательными пальцами от середины губ в стороны, одновременно расплываясь в широкой улыбке:

— Подумайте о чём-то приятном, вот так улыбнитесь.

Взгляд Ли Чэня мгновенно стал глубже.

Цзи Шаотин уже начал беспокоиться, не слишком ли он давит, как вдруг Ли Чэнь сказал:

— Понял. Завтра улыбнусь, а сегодня пока так.

Ли Чэнь ушёл быстро. Даже когда его шаги затихли за дверью, Цзи Шаотин так и не понял, в чём была ошибка, и решил, что это просто переменчивый характер Ли Чэня. Он вздохнул и аккуратно свернул галстук, убрав его обратно в ящик.

Ли Чэнь ушёл быстро, и сердце его билось так же часто.

По пути в свою комнату он свернул на кухню, чтобы выпить воды, и заметил фартук Цзи Шаотина, тихо висевший на белой кафельной стене. Его сердце заколотилось ещё сильнее. Он не понимал, что это за чувство, но оно ему не нравилось. Его эмоции должны были быть под контролем.

Ли Чэнь сделал несколько глубоких вдохов, приказывая себе не думать о Цзи Шаотине, но его улыбка становилась в памяти всё ярче.

Они стояли так близко, что он мог бы наклониться и поцеловать его. Улыбка Цзи Шаотина так чётко запечатлелась в его глазах, словно всё вокруг было прекрасно и никакие невзгоды не имели значения.

И тогда Ли Чэнь подумал, что этот Цзи Шаотин теперь в его доме.

Разве это не повод для радости?

На следующий день они отправились в фотостудию, где Ли Чэнь заранее зарезервировал время для макияжа и фотосессии. Цзи Шаотин обладал хорошей внешностью, поэтому ему почти не требовалось косметики. Ли Чэню же смягчили черты лица, слегка подправили брови и замаскировали пудрой следы от бритвы на подбородке.

Свет был мягким. Фотограф, казалось, немного побаивался Ли Чэня, поэтому общался в основном с Цзи Шаотином, который выглядел более дружелюбным.

— Цзи Сяньшэн, во время съёмки просто разговаривайте и улыбайтесь, — сказал он, меняя объективы и бросая взгляд на Ли Чэня через плечо Цзи Шаотина. — Но, возможно, придётся немного подбодрить Ли Сяньшэна, он кажется слишком напряжённым.

Цзи Шаотин ответил, что всё в порядке, но сам был не уверен. Вернувшись к стулу перед фоном, он, как и прошлым вечером, провёл пальцами по губам, напоминая:

— Ли Сяньшэн, вы же обещали.

Ли Чэнь лишь похлопал по высокому стулу рядом, предлагая сесть.

Цзи Шаотин решил, что стоит попробовать, и эмоции можно будет подкорректировать постепенно. Сегодня Ли Чэнь выделил целый день на свадебные дела, и времени у них было достаточно.

Но, к удивлению всех, первый снимок получился удачным. Фотограф, сияя от радости, подошёл

к ним, показал фотографию и сказал:

— Отлично! Продолжайте в том же духе.

Цзи Шаотин едва узнал человека рядом с собой на фото. Он инстинктивно повернулся к Ли Чэню, чтобы убедиться, что это действительно он.

Ли Чэнь почувствовал его взгляд и тоже повернулся, слегка улыбнувшись.

Цзи Шаотин тут же отвел глаза, снова устремив их на камеру.

«Оказывается, Ли Сяньшэн тоже умеет играть, — подумал он. — Оказывается, Ли Сяньшэн может быть таким мягким».

И тогда он задумался, о чём же Ли Сяньшэн думал, чтобы так улыбаться?

Цзи Шаотин не захватил с собой все необходимые документы — не хватало свидетельства о регистрации, которое ещё было в пути, — поэтому они не смогли сразу отправиться в ЗАГС. Вместо этого Ли Чэнь запланировал поездку за свадебными нарядами.

Это не было проблемой. Цзи Шаотин лишь разводил руки в стороны, позволяя портному снимать мерки, и выбирал понравившиеся элементы дизайна, а остальное оставлял на усмотрение мастера.

После этого они отправились осматривать место для свадьбы — пирс, который Ли Чэнь приобрёл несколько лет назад.

Сказать, что это просто пирс, было бы не совсем верно. Ли Чэнь планировал превратить эту территорию в прибрежный курорт, и самым необычным элементом проекта стал Стекланный зал, предназначенный специально для свадебных церемоний. Тогда он даже представить не мог, что первым, кто здесь женится, будет он сам.

Зал, стоящий на сваях над водой, напоминал корабль, остановившийся в своём движении. Электрические шторы внутри были закрыты, и, кроме узкого луча света, пробивавшегося через дверь, всё вокруг погружалось во тьму.

Затем лысый инженер средних лет нажал несколько кнопок на стене, и Цзи Шаотин услышал, как где-то в глубине стен раздался лёгкий шум — это двигались шторы. Мир перед его глазами постепенно наполнялся светом.

Было шесть часов вечера, и летнее солнце всё ещё ярко освещало морскую гладь, создавая блики на воде. Эти блики отражались в стекле, сверкая и переливаясь. Весь зал казался невесомым и чистым.

А над головой открылось небо. Ли Чэнь смотрел на Цзи Шаотина, стоящего перед ним, и видел, как свет, льющийся со всех сторон, словно вырывал его из тьмы.